

«СТОЯЛ тот дом, всем гражданам знакомый»... Впрочем, он и сейчас стоит на Садовом кольце неподалеку от Театра Сатиры. Дом, в котором Михаил Булгаков получил свою первую комнату в Москве и который перенес в свой последний роман, поселив в «нехорошей квартире» нечистую силу. Но почему он выбрал для князя тьмы и его свиги именно этот дом? Может быть, потому, что табачный фабрикант Пигит построил его для производства «чертова зелья»? Впрочем, устраивать папиросную фабрику «Дукат» в пределах Садового кольца Пигиту запретили, и тот перестроил предприятие под

Брик, собирались люди искусства, обсуждали новости, высказывали взгляды на события и факты новой, советской жизни. Напрасно сетовал Осип Мандельштам — «наши речи за десять шагов не слышны»; где надо было — их очень хорошо слышали... Трудно представить себе, что держательница литературного салона Анна Шерер, героиня толстовского романа «Война и мир», проводив гостей, садилась писать подробные отчеты в Третье Отделение о том, кто что сказал и кто как настроен по отношению к властям. Но именно этим занимались многие хозяйки салонов-студий Москвы двадцатых годов.

Такова психология интернационалиста-наемника по Булгакову, прошедшего огни, воды и медные трубы гражданской войны в России.

Михаил Афанасьевич, живший в соседнем подъезде, не посещал модных салонов и не стремился туда даже как начинающий литератор. Во-первых, оставался верен традициям русской классики и своими наставниками считал Голя и Салтыкова-Щедрина. А во-вторых, не принадлежал ни к одному из модных литературных течений, которые наводняли тогда столицу: имажинисты, футуристы, «Серапионовы братья», ничевоки, эвфуисты... Да и не до салонов ему тогда было, он просто выживал, как мог. Его жена Татьяна Николаевна вспоминала: «Хуже, чем где бы то ни было, было в первый год в Москве. Бывало, что по три дня ничего не ели, совсем ничего. Не было ни хлеба, ни картошки. И продавать мне уже было нечего. Я лежала, и все».

Зато в подворотне дома Пигит автор «Белой гвардии» мог запросто столкнуться с представителями всех тогдашних новомодных течений. «Знакомых у меня в Москве очень много, — писал Михаил Афанасьевич своей сестре Вере — (журналистский и артистический мир), но редко кого вижу, потому что горю в работе и мечусь по Москве исключительно по газетным делам». И хотя в литературных салонах он не бывал, однако наслышан о них был немало.

В конце 1925 года среди прочих частенько заходил в гости к Якуловым и Сергей Есенин. Он дружил с Георгием Богдановичем. Поэт посвящал ему «Балладу о двадцати шести», созданную под впечатлением якуловского проекта памятника Бакинским комиссарам.

Так получилось, что дом «№ 302-бис» стал последним московским адресом Есенина. Он забрел сюда перед своим роковым отъездом в Ленинград.

Владимир Левшин, будущий математик и писатель, а в то время еще совсем молодой человек, вспоминал: «Я жил тогда временно в квартире 35, в том самом подъезде, где помещаются студии. В конце декабря 1925 года поздно вечером слышу громкие голоса на лестнице. Выхожу на площадку: сверху спускаются несколько человек, среди них — Шифф и Есенин. Он — в тяжелой распахнутой шубе, в бобровой шапке. Явно навеселе: возбужденно разговаривает, размахивает руками, подолгу останавливается на ступеньках. Его уговаривают поторопиться («На поезде опоздаешь!»).

А через несколько дней его уже хоронили...».

Поэт наивно полагал, что, сбежав из Москвы, он сможет скрыться от преследования чекистов. Не скрывал он от друзей своих планов: перебраться за границу, а если точнее — в Англию. Но сначала в Финляндию... Так что не поминайте, други, лихом! Когда еще свидимся?...

Наталья Шифф поторавливала его к поезду, точно зная время отправления. В Ленинград уже была послана телеграмма другому «хорошему другу» поэта — Вольфу Эрлиху, сотруднику ВЧК-ОГПУ, с просьбой срочно снять квартиру.

Последние изыскания говорят о том, что поэт был арестован либо в поезде, либо на Московском вокзале, откуда его и препроводили в чекистский дом близ «Англетера»...

Теперь ни для кого не секрет, что Есенина избili до смерти, после чего мучители произвели контрольный выстрел в голову, а уж потом бездарно инсценировали самоубийство.

Смешные поначалу события, происходившие по пьесе в квартире Зойки Пельц, кончатся тоже кровопролитием.

Пьесе «Зойкина квартира» Михаил Булгаков закончил писать в конце 1925 года. В Театре имени Вахтангова ее читали в январе 1926 года, сразу после Нового года и похорон Есенина.

Марина ЧЕРКАШИНА

МОСКВА — САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПРИГЛАШЕНИЕ НА КАЗНЬ

Салон «мадам Лубянки»
в «бисовом доме»

комфортабельный и весьма престижный доходный дом. Почему-то именно в нем останавливалась эсерка Фанни Каплан, ставшая позже известной после своего выстрела в Ленина. В роковом «бисовом» доме «на Садовой 302-бис», в квартире 38, в мастерской художника Георгия Якулова Сергей Есенин познакомился с американской танцовщицей Айседорой Дункан...

В общем, дом, мягко говоря, был весьма богемный. В нем бывали и живали Шалапин и Рябушинский, Суриков и Коненков, Прокофьев и Алексей Толстой, Качалов и Москвин, Нежданова и Мейерхольд. Здесь же сошлись непостижимым образом пути Сергея Есенина и Михаила Булгакова. Но об этом чуть позже...

Среди известных жильцов дома Пигит особо выделялась семья художника Г.Б. Якулова. Студию Георгия Богдановича, живописца и театрального художника, посещали не только талантливые и яркие люди, но и всякие сомнительные личности, каких немало развелось в период нэпа. И потому апартаменты Якулова очень быстро снискали себе скандальную известность. Однако мастерская Якулова претендовала еще и на статус литературного салона, тон в котором задавала жена художника — Наталья Юльевна Шифф. «Женщина странной, броской внешности, — описывал ее сосед Булгаков по замечательному дому Владимир Левшин. — ЕСТЬ в ней что-то от героини тулуз-лотрековских портретов. У нее великолепные золотистые волосы, редкой красоты фигура и горбоносое, асимметричное, в общем, далеко не миловидное лицо. Некрасивая красавица». Первая жена Булгакова Татьяна Николаевна дала ей более развернутую характеристику: «Когда она шла или... на машине подъезжала, за ней всегда толпа. Она ходила голая... Надевала платье прямо на голое тело или пальто, и шляпа громадная. И всегда от нее — струя очень хороших духов. Просыпается: «Жорж, идите за водкой!» Выпивала стакан, и начинался день... У них всегда какие-то оргии, люди подозрительные...»

И Татьяна Николаевна, и многие знатоки булгаковского творчества считали и считают, что именно Наталья Шифф послужила прототипом Зойки Пельц из пьесы «Зойкина квартира». После блестящего спектакля в Театре имени Вахтангова, декорации которого весьма напоминали интерьеры дома на Садовой, за студией Якулова утвердилось прозвище «Зойкина квартира». Артист Театра имени Вахтангова Л.Д. Снежников, описывая декорации спектакля, вспоминал, что в глубине возвышался «пятитажный московский дом, стены которого образуют колодезь». Нотрудно угадать в нем «Садовую 302-бис».

Вот в этой «Зойкиной квартире» № 38, точно так же, как и в квартире небезызвестной Лили

ОГПУ нашло прекрасную форму работы среди творческой интеллигенции столицы. И салон Натальи Шифф, надо полагать, не был исключением в этом плане.

Сюда, как и на огонек к Брикам, охотно заглядывали «искусствоведы» с Лубянки, разве что переодеться в партикулярное платье. Догадываясь об этом, Булгаков не преминул сказать это и в пьесе с весьма характерным для него прозрачным иносказанием: в «Зойкиной квартире» появляются чекисты, обозначенные автором как «неизвестные» персонажи: Первый Неизвестный, Второй Неизвестный. Муж Зойки, содержательницы полусалона-полупритона, Абольянинов восклицает при виде пожаловавших в гости «неизвестных»: «У меня мутится рассудок... Смокинги... Кровь... (Второму Неизвестному): Простите, пожалуйста, я хотел вас просить, отчего вы в смокингах?» Второй Неизвестный: «А мы в качестве гостей к вам собирались». Абольянинов: «Простите, пожалуйста, к смокингу ни в каком случае нельзя надевать желтые ботинки».

За шутовой, воистину гоголевской, но все же такой булгаковской фразой, на первый взгляд малозначащей, кроется очень многое. В оные годы чекисты любили собираться на вечеринки и между собой чихать с красотками, особенно актрисами. Безграничная и бесконтрольная власть давала им возможность устраивать оргии в веселых домах типа «Зойкиной квартиры». Потому вполне верится в благополучное будущее Зойки Пельц, несмотря на прошедшее убийство в ее квартире. Шли то огэпушники в веселый салончик посмотреть-послушать, что да как, а случайно наткнулись на труп Бориса Семеновича Гуса, большого советского чиновника, которого зарезал китаец из прачечной...

Эти две комические с виду фигуры китайцев появляются в пьесе отнюдь не случайно. «Китайские интернационалисты» приняли активнейшее участие в гражданской войне.

«А знаете, что такое «китайское мясо»? — вопрошала в 20-м году Зинаида Гиппиус. — Это вот что такое: трупы расстрелянных, как известно, «чрезвычайка» отдаст зверям в Зоологический сад. И у нас, и в Москве. Расстреливают же китайцы...» Идеиные соображения им во многом заменили червонцы.

Командарм 1-го ранга Иона Якир писал в своих мемуарах о китайских «интернационалистах», которых он нанял на службу: «На жалованье китайцы очень серьезно смотрели. Жизнь легко отдавали, а плати вовремя и корми хорошо».

Вот и в пьесе «Зойкина квартира» возникает в финале китаец с ножом: «А, червончики, червончики, милое... (Внезапно ударяет Гуса под лопатку финским ножом. Гус, атакуют без звука.) Червонцы... и теплый Санхай!»